

И. З. СЕРМАН

П. Н. БЕРКОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА ЛОМОНОСОВА

В предисловии к своей докторской диссертации Павел Наумович писал: «У историков русской литературы сложилось традиционное представление о том, что настоящая литературная жизнь в XVIII в. возникает лишь в 1760—1770 гг. и что до этого времени имеют место только личные интриги Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова (в разных комбинациях). Столкновения этих писателей между собой выводили из их личных свойств: тщеславия, завистливости, неуживчивости, вспыльчивости, скверного характера. . . Не замечали различного понимания задач искусства у отдельных спорщиков, не решались провести разграничительные линии между ними, предпочитали всех их относить к одной группе: писателей Елизаветинской поры».¹

Уже в этих словах, хотя и в негативной форме, в критике предшествующей историко-литературной традиции высказано основное положение его собственной исследовательской методологии — требование безусловного и бескомпромиссного историзма в подходе ко всем литературным явлениям и фактам XVIII века.

Далее, обосновывая проблематику и содержание своей книги, Павел Наумович писал: «Даже те материалы полемического характера, которые были опубликованы три четверти века назад и позднее, не внесли больших изменений в историко-литературные представления. Лишь в книге Г. А. Гуковского „Русская поэзия XVIII века“ (1927) сделана была попытка осознать полемику между Тредиаковским, Ломоносовым и Сумароковым как борьбу литературных группировок, а не персональную склоку» (с. 2).

Историзм в подходе к освещению и анализу литературных явлений у Павла Наумовича носил особый, ему лично свойствен-

¹ Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765 гг. М.—Л., 1936, с. 1 (далее ссылки на это издание даются в тексте).

ный характер. В разработке любой темы, большой или малой, он считал неслучайным долгом не только изучить историографию данной темы, но и высказать к ней свое отношение, отношение советского ученого, обладающего историческим опытом, которого, естественно, не могло быть у его предшественников, великих и малых работников русской академической науки.

Павел Наумович сосредоточился на исследовании творчества Ломоносова в начале 1930-х гг.: итогом этих изучений и явилась книга «Ломоносов и литературная полемика его времени». Примерно через десять лет появилась серия статей, посвященных тем вопросам, о которых не говорилось в монографии. Среди статей 1946 г. мне представляется особенно важной для понимания сущности и своеобразия подхода Павла Наумовича к творчеству Ломоносова одна, на первый взгляд, к творчеству, к поэзии Ломоносова отношения не имеющая, — «Ломоносовский юбилей 1865 г.».² Но именно в этой статье мы находим историографическое и методологическое обоснование его собственного подхода к Ломоносову.

После очень интересного изложения всех обстоятельств празднования Ломоносовского юбилея в 1865 г., всех этапов общественно-литературной борьбы вокруг Ломоносова, Павел Наумович подвел итоги и установил, что именно в юбилейных статьях 1865 г. утвердилось представление о Ломоносове, опровергнуть которое — не на словах, а фактами и доказательствами — предстояло советской науке: «За редкими исключениями, вроде речей А. П. Щапова в Иркутске и статей в петербургской радикальной прессе, ломоносовский праздник прошел под знаком „уваровской формулы“: „православие, самодержавие и народность“. Была окончательно сложена и упрочена легенда о Ломоносове — охранителе, слуге монархии, искренне верующем человеке, наконец, борце с иноземцами только потому, что они иноземцы, как бы предшественники славянофилов второй половины XIX века. Именно такая интерпретация образа Ломоносова на многие годы — благодаря казенной школе, от низшей до высшей — закрепились в сознании русского общества. Если обратиться к высказываниям представителей передовых слоев русского общества о Ломоносове во второй половине XIX и начале XX века, то, при всем уважении к его дарованиям и незаурядной энергии, в этих суждениях чувствуется „неприятие“ Ломоносова именно как выразителя в XVIII в. „уваровской формулы“».³ И далее, как бы намечая проблематику будущих исследований советской науки о Ломоносове, Павел Наумович продолжал: «Закрывались глаза на явное расхождение его „духовных од“

² Берков П. Н. Ломоносовский юбилей 1865 г. (Страница из истории общественной борьбы шестидесятых годов). — В кн.: Ломоносов. Сборник статей и материалов. II. Под редакцией А. И. Андреева и Л. Б. Модзалевского. М.—Л., 1946, с. 216—247.

³ Там же, с. 244.

с церковной догмой, на демонстративно дидактический тон его „монархических од“, наконец, на отчетливо демократический характер его „народности“». ⁴

С сожалением, но и с нелицеприятием историка Павел Наумович вынужден был в этой же статье констатировать, что «пересматривая сейчас (в 1946 г., — *И. С.*) обширную ломоносовскую литературу дореволюционного и отчасти послереволюционного времени, мы не можем указать ни одной попытки серьезного пересмотра „легенды о Ломоносове“». ⁵

Именно такую цель поставил перед собой П. Н. Берков, когда писал свою книгу о Ломоносове, — пересмотреть «легенду о Ломоносове», созданную в 1865 г., и при помощи подлинно научного, объективного исследования показать Ломоносова не легендарного, а живого, действующего в истории, окруженного живыми людьми, соперниками, сотрудниками, продолжателями, — Ломоносова, делающего живое, человеческое дело создания новой русской литературы, новой русской поэзии.

Вот почему Павел Наумович сюжетом своей книги избрал литературную полемику, в центре которой находился Ломоносов, полемику, где живее всего ощущался пульс литературной жизни эпохи: «Автору представлялось необходимым, — писал он в предисловии, — для более правильного понимания литературного процесса второй трети XVIII века вновь проанализировать только важнейшие материалы, частью известные, частью накопленные им самим во время различных изысканий в области литературы этого периода, показать каждого из полемистов на фоне той литературной среды, наиболее крупным выразителем которой он был» (с. 2).

Сам исследователь отлично и ясно себе представлял, что в основу его работы положен строгий историзм подхода к фактам литературной полемики и их интерпретации. Он писал о себе: «... внимание автора было сосредоточено на изложении и интерпретации фактов историко-литературных, а не каких-либо иных. Это не означает отсутствия определенной исторической концепции в настоящей работе. Наоборот, все исследование построено на исторической основе» (с. 2).

Несомненно, название этой книги уже ее содержания. И не только потому, что Павел Наумович тщательно прослеживает общественно-литературный фон каждого полемического эпизода, но и потому, что в ряде случаев такое изучение фона превращается в самостоятельное историко-литературное исследование важнейших проблем литературного движения эпохи.

Такова, например, первая глава этой книги «Начальный успех Тредиаковского» (с. 7—54), которая представляет собой

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 246.

самый полный в нашей литературе анализ содержания и смысла литературной деятельности Тредиаковского в 1730-е годы. Самостоятельное и историко-литературное значение имеют также обзор песенного творчества Сумарокова и его последователей в главе третьей (с. 104—112), анализ отношения Ломоносова к религии в главе пятой (с. 198—205), введенная в главу шестую характеристика политических позиций сумароковского журнала «Трудолюбивая пчела» (с. 242—251).

Наконец, очень богаты информацией примечания, занимающие около 40 страниц этой книги. Они часто представляют собой программу будущих исследований, а не просто сводку литературы и указаний на источники.

Книга «Ломоносов и литературная полемика его времени» писалась в переломную для нашей науки эпоху, в период острой борьбы с вульгарным социологизмом.

Следы такого рода чрезмерной социологизации есть и в трудах П. Н. Беркова. И не для того мы вспоминаем о них, чтобы упрекнуть автора. Но чтобы указать, как он, вопреки вульгарно-социологическому воздействию, не скрывал своего интереса к личностям русских писателей, к их индивидуальным судьбам, характерам, склонностям. И сейчас нас поражает своей тонкостью итоговая характеристика Тредиаковского, завершающая главу о нем: «Тредиаковский был неудачником и в жизни, и в литературе, и в науке. На него многие до сих пор смотрят сквозь морозные стекла лажечниковского „Ледяного дома“. Но есть и другая опасность, опасность слишком пристрастной положительной оценки. Едва ли нуждается Тредиаковский в подобной необъективной переоценке. И для читателя, и для истории литературы гораздо важнее знать Тредиаковского таким, каким он был: трудолюбивым эрудитом, умело использующим источники, настойчивым экспериментатором, но всегда противоречивым и не цельным» (с. 53).

А в заключении своей книги Павел Наумович, оправдываясь в «биографизме» (который тогдашние «методологи» считали самым страшным грехом), признается, что главных героев своей книги он всегда воспринимал как живых людей, а не как запыленные тома собрания сочинений. Он писал: «В работах, подобных настоящей, где делается упор на привлечение, систематизацию и интерпретацию частью известных, частью забытых, частью вовсе новых фактов, неизбежна опасность биографического уклона. Стараясь все время избежать греха биографизма, автор не может не признаться, что ни Ломоносов, ни Тредиаковский, ни Сумароков не были для него отвлеченными схемами, а представляли живые, реальные фигуры» (с. 286). И уже совершенно неожиданно звучит для нас признание исследователя о том, что Ломоносов «все же понятнее и ближе нам, чем „диковатый“ Тредиаковский и нервный, издерганный Сумароков» (с. 286).

Своеобразие этой книги Павла Наумовича в том, что в ней в виде отдельных замечаний или наметок будущих исследований в примечаниях изложена программа последующих разысканий, программа, к сожалению, только частично осуществленная самим ученым.

Приведу только несколько примеров превращения отдельных суждений и мыслей из книги в самостоятельные статьи.

Так, например, в одном из примечаний к главе второй Павел Наумович заметил по поводу цитаты из песенки «Молчите, струйки чисты»: «Сам Сухомлинов не считал возможным признать данное стихотворение ломоносовским и поместил его лишь в примечаниях... Между тем Ломоносов приводил в „Риторике“ примеры только из своих произведений» (с. 295).

В работе 1946 г. «Ломоносов и фольклор»⁶ это лапидарное замечание превратилось в специальный этюд о литературной природе и характере этого стихотворения, о его взаимоотношениях с фольклором.

В предисловии к книге «Ломоносов и литературная полемика его времени» Павел Наумович указал, что одна из проблем, в ней не освещенных, — «это вопрос о роли церковной политики Елизаветы в процессе „славянизации“ русского языка в 1740-х годах» (с. 16).

Как известно, именно этот вопрос стал предметом исследования в одной из самых интересных работ Павла Наумовича, в его статье «Ломоносов и проблема русского литературного языка в 1740-х годах».

Возражая тем языковедам, которые подчеркивали «консерватизм, националистичность» литературно-языковых позиций Ломоносова, Павел Наумович указывает, что они в своих построениях ограничивались «материалами из одного лишь „Предисловия о пользе книг церковных в российском языке“ и отчасти „Российской грамматики“ Ломоносова. Вместе с тем и эти материалы берутся не в их исторической обусловленности, не в связи с реальной обстановкой, в которой они возникли, не в конкретном историческом окружении, а абстрагированно, обособленно, как продукты чистой умозрительности».⁷ И вот, чтобы избежать соблазнов «чистой умозрительности», Павел Наумович вовлекает в свое исследование конкретно-исторический материал эпохи — придворную проповедь 1740-х годов. «Проповеди времени Елизаветы, — пишет он, — представляли собой серьезную общественную силу в руках духовенства, но при всех мелких и частных выгодах, которые при этом приобретала и использовала церковь, все же проповедь была одним из идеологических звеньев пра-

⁶ Берков П. Н. Ломоносов и фольклор. — В кн.: Ломоносов. Сборник статей и материалов. II, с. 107—129.

⁷ Берков П. Н. Ломоносов и проблема русского литературного языка в 1740 годах. — Изв. АН СССР, отд. общ. наук, 1937, № 1, с. 203.

вительственной политики. Правительство было — в особенности на первых порах — кровно заинтересовано в регулярности ее произношения, в своевременности ее печатания, в умелом ее распространении среди подданных. Это делает проповедь сороковых годов XVIII века фактом, мимо которого нельзя пройти ни историку, ни литературоведу: последнему по той причине, что, несмотря на свой политико-публицистический характер, проповедь воспринималась тогда как явление художественной литературы».⁸

И далее идет анализ теоретических высказываний Ломоносова на фоне современной ему ораторской прозы, в том числе и церковной, который позволяет понять полемический смысл его работ и уточнить литературно-языковую позицию, основанную, как доказывает Павел Наумович, на реальном подходе к нуждам и возможностям русской литературы.

П. Н. Берков всегда стремился идти в ногу со своим временем, отзываться на те проблемы, которые возникают в ходе развития мировой науки.

С этой точки зрения особую важность имеют его работы о Ломоносове 1960-х годов, особенно «Литературные интересы Ломоносова» (1962) и «Проблема литературного направления Ломоносова» (1962).

Они связаны со спорами о барокко в русской литературе, которые начались на Западе и у нас с конца 1950-х годов, когда вновь стало предметом обсуждения место Ломоносова среди литературных направлений его времени и особенно его отношение к барокко. Споры эти еще далеко не кончены; и самое лучшее и обстоятельное изложение истории вопроса находится именно во второй из названных статей Павла Наумовича.⁹ Характерно в этом смысле начало статьи: «Столь дискуссионный в последние тридцать лет вопрос о том, к какому литературному направлению принадлежал Ломоносов, вероятно, удивил бы любого гимназиста и гимназистку дореволюционного времени. Они без малейших колебаний ответили бы: „К ложноклассическому!“ и при этом сослались бы на учебники и пособия по истории русской литературы, по которым в те годы обучались в средней школе».¹⁰ И далее он говорит о том, как изменялось отношение к классицизму в советской науке и как интерпретировалось место Ломоносова в классицизме.

Останавливается Павел Наумович и на том, как обосновывается принадлежность Ломоносова к барокко современными исследователями славянского барокко, и, приведя слова д-ра Андьяла, он замечает: «... в этой цитате очень ярко отразилось

⁸ Там же, с. 218.

⁹ Берков П. Н. Проблема литературного направления Ломоносова. — В кн.: XVIII век. Сб. 5. М.—Л., 1962, с. 5—32.

¹⁰ Там же, с. 5.

обыкновение и самого автора письма и вообще сторонников „барокко“ пользоваться термином, определить содержание которого они отказываются и предпочитают заменять его описанием. Но разве „патетичность, риторичность и декоративность“ характерны только для барокко (или того, что д-р Андьял и другие пазывают барокко)? Разве поэзию Виктора Гюго не обвиняли в „патетичности, риторичности и декоративности“, не называя его поэтом барокко, а вполне справедливо считая романтиком? Разве стихи Бальмонта и других русских ранних символистов («декадентов») не укоряли в „патетичности, риторичности и декоративности“?». ¹¹ Не принимая ни самого термина (барокко), ни описательных его определений, Павел Наумович обращается к истории, данные которой он неизменно предпочитал «абстрактной умозрительности».

Он напоминает нам о забытой, но чрезвычайно важной особенности русской и общеевропейской культуры XVII—XVIII вв. — о латинской образованности как основе всех гуманитарных наук и литературы того времени. Поэтому в объяснение литературной полемики Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова теперь Павел Наумович предлагает внести новый элемент — различие в истоках, разницу в воспринятых традициях: «Литературная подготовка Ломоносова и Тредиаковского, выросших, с одной стороны, на традициях прекрасно усвоенных материалов древнерусской письменности, а с другой, на традициях античной и новолатинской образованности, решительно превосходила дилетантскую в конечном счете подготовку Сумарокова и его учеников. И перед теми, и перед другими стояла почти в одно и то же время <...> одна и та же задача: усвоить новейшие литературные течения Запада, точнее — Франции и Германии. Но решали они ее по-разному в силу тех причин, о которых говорилось выше: традиции и подготовка были у них разные». ¹²

Так Павел Наумович предложил новое объяснение внутренней борьбы в русском классицизме — объяснение, вытекающее из всей его прежней работы над Ломоносовым, но впервые так отчетливо и убедительно сформулированное. Ибо задача, которую ставил перед собой ученый в этой статье, — определить место Ломоносова в литературном движении его времени — не сводилась только к выяснению причин расхождений между Ломоносовым и Сумароковым, она требовала и объяснения возможности их сближения, объяснения того, почему деятельность создателей новой русской литературы «была в целом направлена по одному пути: они усваивали то, что нужно было русской литературе на тогдашнем этапе ее развития, усваивали то, что впо-

¹¹ Там же, с. 15.

¹² Там же, с. 31.

следствии стало называться классицизмом, хотя сами, конечно, этого не подозревали».¹³

Павлу Наумовичу появление и самое существование русского классицизма всегда представлялось историческим фактом огромного общекультурного значения, важнейшим звеном «процесса вхождения русской литературы в общеевропейское литературное развитие».¹⁴

Не ставя себе целью характеристику явлений барокко в русской литературе середины XVIII в., Павел Наумович подкрепляет свою точку зрения на отношение Ломоносова к барокко анализом его теоретических высказываний, ранее в этой связи не привлекавших внимания исследователей. Я имею в виду те слова Ломоносова в «Риторике», в которых Павел Наумович видел прямое осуждение Ломоносовым «основного принципа поэтики барокко» — так называемого кончетизма. Как указывает Павел Наумович, Ломоносов в 130 параграфе «предупреждает своих читателей о необходимости соблюдения чувства меры при „изобретении витиеватых речей“, т. е. предлагает избегать того, что в конечном счете составляет существо, душу барокко как искусства маньеризма. „Но сие показываем, — пишет Ломоносов, — не с таким намерением, чтобы учащиеся меры не знали и последовали бы нынешним италиянским авторам, которые, слясь писать всегда витиевато и не пропустить ни единой строки без острой мысли, нередко завираются“».¹⁵

Столь резкое выступление Ломоносова против кончетизма, то есть против одного из основных стилистических принципов барокко, отмеченное Павлом Наумовичем в этой статье, чрезвычайно существенно, ибо остроумие и острый разум действительно являются боевыми лозунгами самых видных теоретиков барокко. Вышедшая в 1969 г. статья И. Н. Голенищева-Кутузова «Барокко и его теоретики»¹⁶ содержит очень интересную сводку высказываний теоретиков испанского и итальянского барокко, для которых остроумие, острый ум, неожиданность сопоставления отдаленнейших предметов и явлений является главным принципом искусства,¹⁷ его основным эстетическим законом, тогда как Ломоносов в 146-м параграфе «Риторики» писал, что, гоняясь за остроумием, «охотники до замысловатых предложений» остерегались бы не завратиться «для того, что они меньше стараются о важных и зрелых предложениях, о увеличении слова чрез распространения или о движении сильных страстей, нежели о витийстве».¹⁸

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, с. 32.

¹⁵ Там же, с. 22.

¹⁶ См. в кн.: XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969, с. 102—153.

¹⁷ Там же, с. 140—145.

¹⁸ Берков П. Н. Проблема литературного направления Ломоносова, с. 22.

Историзм как основа методологии Павла Наумовича и в этом важном вопросе помог ему наметить правильный и плодотворный путь решения проблемы литературного направления Ломоносова, — проблемы, занимающей умы многих исследователей.

То понимание историзма, то уважение к фактам истории литературы, которому Павел Наумович никогда не изменял, сегодня нам всем, а особенно молодым исследователям, кажется совершенно обязательным и неперемнным условием нашей науки. И в утверждении такого отношения к историзму в науке вообще одна из самых важных его заслуг.

Ученый и его вклад в науку измеряются не столько новыми фактами и материалами, которые он сделал общим достоянием «ученой республики», как говорили в XVIII в., — материалы могут устареть и замениться новыми, а факты примелькаться и уже не возбуждают к себе интереса, — гораздо интересней для развития науки в целом то, какие вопросы ставит ученый, какие перспективы дальнейших исследований он намечает.

Работы Павла Наумовича о Ломоносове содержат обширную и аргументированную программу будущих исследований, путей, по которым должна пойти и, будем надеяться, пойдет наша наука о Ломоносове.

Хотелось бы указать только на один пример, на статью «Литературные интересы Ломоносова»,¹⁹ в которой показано, как, располагая таким скудным материалом, как перечни и реестры книг, составленные Ломоносовым в разное время, можно основательно расширить наши представления о его литературной осведомленности, а это «расширение наших знаний о литературной осведомленности Ломоносова, — пишет Павел Наумович, — имеет большое историко-литературное значение».²⁰

Устремленность в будущее нашей науки, нашей культуры в целом — отличительная черта научного творчества Павла Наумовича Беркова, и в его работах о Ломоносове она проявилась особенно ярко и интересно. Вот почему они еще долго будут определять наше понимание Ломоносова и наши пути исследования его литературного творчества.

¹⁹ См. в кн.: Литературное творчество М. В. Ломоносова. М.—Л., 1962, с. 14—68.

²⁰ Там же, с. 14.